

ВЫСШИЕ ИЕРАРХИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ – ВЫПУСКНИКИ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ В СИБИРИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Представлены различные мнения о действиях высших иерархов – выпускников Киевской академии в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Так ли действительно они были жестки и чужеродны в сравнении с их российскими предшественниками и современниками? Или же их деятельность вполне соответствовала государственной политике? Автор статьи, анализируя материалы историографии, по-новому трактуя источники, старается дать объективную характеристику личности и деятельности преосвященных.

Ключевые слова: история Сибири; Русская православная церковь; Киево-Могилянская академия; митрополиты; архиепископы.

В первой половине XVIII в. все митрополиты Тобольские и Сибирские были выпускниками Киевской академии. Эта практика существовала со времен Петра I. Согласно одной точке зрения, для церковной политики царя было характерно стремление к полному обновлению епископата Русской православной церкви. Из архиереев была сформирована группа – особый «кадровый резерв» петровской церковной политики, который перемещался из епархии в епархию, постепенно заполняя вакантные стратегические для государства кафедры. В Сибири архиереи-выпускники Киево-Могилянской академии осуществляли христианизацию и русификацию местного населения [1. С. 45].

Приверженцы другой точки зрения обвиняют Петра I в «малороссизации» Русской православной церкви, называя петровскую реформу прямой «украинизацией» церковных школ. Якобы на протяжении всего XVIII в. сохранялось противостояние между великоросским и малороссийским духовенством. Исследования последних лет вносят коррективы в традиционные оценки и стереотипы восприятия. Можно писать о приблизительном паритете роли малороссиян и великороссов в церковной жизни. Обе когорты не представляли реальных сообществ, каждая из действующих внутрицерковных группировок была полиэтничной, что, по мнению С.С. Лукашовой, не отменяло осознания этнических различий, например, в случае обострения отношений выходцы из Киевской митрополии повсеместно обзывались «черкасами» [Там же. С. 47].

С.М. Соловьёв, исследуя образованность в России в первые семь лет царствования Елизаветы Петровны (1741–1748 гг.), писал о том, что для обучения духовенства «...необходимым средством был признан вызов ученых монахов из Малороссии на архиерейские кафедры в Великой России. Необходимость продолжалась и после Петра Великого; но мы видели темную сторону этого явления; на архиереев смотрели враждебно, как на чужих, втершихся и оттеснивших великороссиян; их упрекали, что они благоприятствуют только своим, наполняют значительнейшие места малороссиянами же. Неудовольствие было сильное и простиралось не только на лица, но и на дело, для которого были призваны лица, на школы. <...> Например, Архангельский архиерей Варсонофий говорил о большой, хорошо выстроенной школе: “Чего ради такая не по здешней епархии школа по-

строена? Да и школам в здешней скудной епархии быть не надлежит; к школам охоту имели бывшие здесь архиереи-черкашишки, ни к чему негодницы”. Экзаменатора Венедикта Галецкого Синод велел произвести в архимандриты в Антониев-Сийский монастырь; но Варсонофий из ненависти к нему, как малороссиянину, не произвел его в архимандриты и пищу давал очень скудную, напитков ничего не давал и в келью к себе редко допускал. Галецкий, не вынесши такого обращения, уехал, а Варсонофий обрадовался и говорил: “Слава богу, черкашенина отсюда избыли!”» [2].

С.С. Лукашова делает важное уточнение: в имеющихся источниках наименование «черкасы» несет отчетливо оскорбительный оттенок, но, согласно исследованиям А.И. Папкова, к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины [1. С. 56].

А.И. Папков пишет об эволюции термина «черкасы». Если в XVI в. он возник для обозначения украинских казаков, то к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины. По его мнению, данное замечание справедливо в отношении пограничной территории Российского царства и Речи Посполитой вплоть до середины XVII в. Показательно, что при проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев в Россию первой половины XVII в. записывались как «подданные черкасы», а потомки переехавших на русские земли после 1654 г. – как «подданные малороссияне». Он предполагает, что, вероятно, «существует определенная связь между встречающейся в источниках терминологией и заинтересованностью Российского государства в заселении своего порубежья не столько крестьянами, сколько военно-служилыми людьми» [3. С. 102–103].

В 1869 г. А.И. Сулоцкий писал, что при митрополите Филофее (Лещинском) были приехавшие с ним из Малороссии духовные лица и ссыльные малороссияне, «которых тогда в Сибири обыкновенно называли Черкасами» [4. С. 154]. В данном случае, по видимому, указание на «ссыльных Малороссиян» не охватывает все варианты использования понятия «черкасы».

Попав на сибирскую кафедру, высшие иерархи, выпускники Киевской академии, как правило, stalkи-

вались с обвинениями в насилии по отношению к церковнослужителям, пастве, излишней требовательности к представителям государственной власти на местах, резких возражениях против секуляризации церковного землевладения. Так ли действительно они были жестки и чужеродны в сравнении с их российскими предшественниками и современниками? Или же их деятельность вполне соответствует «государственной программе» освоения новых территорий?

В XVIII в. в Сибирь были назначены пятнадцать высших церковных иерархов. Четырнадцать из них являлись выпускниками Киево-Могиланской академии. Восемь архиереев в XIX–XX вв. причислены к лику святых Русской православной церковью. Наиболее почитаемые среди них в Сибири – св. Иоанн Тобольский (Максимович) и св. Иннокентий Иркутский (Кульчицкий).

Принято считать, что Павел (Конюскевич) был последним митрополитом Тобольским и Сибирским (1758–1768), выпускником Киево-Могиланской академии. В действительности сохранились источники, согласно которым Варлаам (Петров-Лавровский) обучался в Киевской академии латинскому языку и преподаваемым в ней наукам, с выслушиванием философии и богословия. По пострижении в монашество в 1750 г. в Киево-Печерской лавре упражнялся в ней и в училищном братском монастыре в сказывании проповедей [5. С. 221–222]. Из сохранившейся в канцелярии Св. Правительствующего Синода справки ясно, что «Варлаам, архиепископ Тобольский и Сибирский по спискам за 1801 год значится природою из духовных <...> чрез 12 лет находился сперва в Киево-Печерской Лавре проповедником, потом в разных монастырях настоятелем; во епископа Тобольского посвящен в 1768 г., архиепископом в 1792 г.» [6. Л. 3].

Но сколь различны оценки личности и деятельности Павла (Конюскевича) и Варлаама (Петрова-Лаврского)! Н.Н. Покровский писал: «Митрополит Павел Конюскевич был одним из самых ярких и стойких представителей украинского церковного направления в Сибири. Немало общих черт роднит его с Антонием Стаховским, Арсением Мацеевичем, Сильвестром Гловатским. Подобно им, он считал себя пастырем строгим, но справедливым, всячески заботился о духовном образовании, ревностно отстаивал независимость и экономические права церкви от наступления государства. Но даже в ряду тобольских митрополитов-украинцев он выделяется яростным фанатизмом и жестокостью» [7. С. 252]. Став тобольским митрополитом, он не заботился о служебной карьере, о мнении начальства. Варлаам же, «раболопный епископ», «менее всего помышлявший о собственном мнении по этому (отношение к расколу. – О.Ф.), как и по любому, впрочем, вопросу...» [Там же. С. 349].

Георгий (Ящуржинский), архиепископ Тобольский и Сибирский, в 1845–1852 гг. в сибирской историографии традиционно подается выпускником Киевской академии. А.И. Сулоцкий писал о нем, что «сам происходил из Малороссии... сам учился, в конце прошедшего столетия, в Киевской академии... следовательно, лучше других мог знать дух и правила людей

старого времени, лучше понимал иное, перешедшее некогда из Малороссии в Великороссию и Сибирь» [4. С. 156]. Замечание А.И. Сулоцкого ценно, особенно потому, что в опубликованных Н.И. Петровым и Ф.И. Титовым в начале XX в. документах Киевской академии Георгий (Ящуржинский) не значится ни среди поступивших детей духовенства, ни среди окончивших полный курс.

Из пяти иркутских епископов в XVIII в. только Вениамин (Багрянский) не был выпускником Киево-Могиланской академии, но также имел европейское образование. Вениамин (в мире – Василий) родился в Москве, был сыном священника, обучался в Московской академии. Из философского класса как «в понятии остроумный и в памяти превосходный» в 1766 г. отправлен в Голландию в Лейденский университет. По возвращении в Россию на экзамене в особой комиссии был удостоен степени магистра. В декабре 1789 г. хиротонисан в епископа Иркутского [8. Л. 64], в город новый владыка прибыл только в марте 1790 г. В Иркутске архиерей почти десять лет являлся ректором и преподавателем духовной семинарии. В завещании, которое он написал в 1812 г. за два года до смерти, Вениамин велел служителям Иркутской духовной консистории: «Все книги по каталогу, каменности и штуфы сколько оных есть отдать в семинарию» [9. Л. 181]. В реестре книг, составленном в консистории, более половины – это издания на латинском и французском языках.

Символично, что Вениамин в 1801 г. выступил инициатором прославления первого иркутского епископа Иннокентия (Кульчицкого). С 1800 г. Св. Синод рассматривал «обстоятельства о найденном в Иркутском Вознесенском монастыре нетленном теле» Иннокентия (Кульчицкого) [10]. В конце 1804 г. состоялась канонизация известного миссионера, ставшая важным событием не только в жизни Иркутской епархии, но и всей православной церкви в Сибири [11. С. 29].

По мнению Я.Д. Исаевича, Киев и Левобережье сыграли важную роль в распространении в России системы богословского просвещения, ориентированного на западные образцы. В частности, в Киевской академии получили образование 21 из 23 ректоров Московской академии, 95 из 125 её профессоров, очень много учителей духовных семинарий России, от Вологды до Тобольска. Но с середины XVIII в., несмотря на частные усовершенствования, Киево-Могиланская академия начала все больше отставать от требований своего времени, а предложенные тогда проекты основания университета в Киеве или Батурине не были поддержаны российским правительством [12. С.118].

Подтверждением этого может служить история жизни Амвросия (Келембета), архиепископа Тобольского и Сибирского в 1806–1822 гг. В сочинениях часто приводятся сведения о разногласиях, которые возникли между Амвросием, когда он был ректором Воронежской семинарии, и преподавателем протоиереем Евгением (Болховитиновым), будущим Киевским митрополитом (1822–1837), известным церков-

ным историком. Келембет был объектом его колкостей и едких замечаний. Причиной этого, по видимому, была разница в возрасте и в образовании, полученном сослуживцами. Болховитинову было 26 лет, он учился в Московской духовной академии, слушал лекции в Московском университете, владел древними языками и все более актуальным к началу XIX в. французским. Келембету было 48 лет. В старости, представляя свой послужной список, Амвросий написал, что обучался в «бывшей Киевской академии – с 1761 г. грамматике, поэзии, риторике, философии и богословию, притом еврейскому, греческому и немецкому, и польскому языкам» [13. Л. 2]. Он владел ученостью, воспроизводил систему образования, которая, конечно, казалась устаревшей «современному» молодому священнику. Тем не менее в дальнейшем, Евгений (Болховитинов) оказывал помощь своему «несовременному» коллеге и способствовал его переводу из епархии в епархию, в том числе и в Тобольскую.

В обновленной версии истории Киево-Могиланской академии З.И. Хижняк утверждала, что воспитанники академии ехали в школы России, покидая родную землю, не только подчиняясь указам официальных царских инстанций. Подчас и добровольно к коллегам, которые там работали, глубоко осознавая необходимость своей просветительской миссии [14. С. 159].

Насколько позволяют судить источники, в XVIII в., никто из иерархов, назначенных в Сибирь, не имел искреннего побуждения служить в далеком и суровом крае. Получив указание ехать из Чернигова в Москву, а затем в Тобольск, Иоанн (Максимович) так описал прощание с родиной, близкими, паствой:

«Не токмо знаемии сродници по плоти,
Премногие жители и доброхоти,
Аки мертва плакаху, не чающе зрети
И прочее беседи со мною имети» [15. Л. 1 об.].

Некоторым удавалось избежать дальнего путешествия, как, например, Никодиму (Сребницкому). Арсению (Мацеевичу) же опять пришлось следовать в Сибирь. Вот как он объяснял задержку в пути: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая Государыня Императрица Елисавет Петровна, самодержица Всероссийская, Всемилостивейшая Государыня мати, продолжение пути моего от царствующего Санкт-Петербурга до Тоболска случися, не от инного чего, токмо от слабого здоровья моего, которое мне от тягчайшаго летнаго путешествия причинися и каковые жестокие трудности претерпех <...> и получа малую отраду от немощи, прибыл за помощью Божию в Тоболск. <...> Тогда осмотревшися о всем, о чем надлежит до Вашего высокоmaterняго милосердия всепокорнейше предлагать буду, и в чем требование мое будет и польза церкви стол здешней бедной епархии» [16. Л. 3–3 об.]. Для тех, кому пришлось жить здесь, это было неизбежное послушание:

«Мое дел о творити все послушание,
Царско слово содержу, яко предание
Самаго Небеснаго Царя и Владыки» [15. Л. 8].

В первой половине XIX в. среди иерархов-выпускников Киевской академии самой «остросю-

жетной» и трагичной стала судьба иркутского архиепископа Ириней (Нестеровича), который якобы «...подвергся расстройству умственных способностей, удален был от управления епархией и заключен в монастырь по назначению Синода» [17. Л. 25].

Пожалуй, единственным свидетельством благополучной «прижизненной» адаптации выпускника Киевской академии служат воспоминания протоиерея Тобольского кафедрального собора Петра Андреевича Фелицына, бывшего при Амвросии (Келембете) ключарем Тобольского кафедрального собора и членом Тобольской духовной консистории. Листы, подписанные рукой П.А. Фелицына, часто встречаются среди документов консистории первой половины XIX в. Он вспоминал о том, что к знакомым в Россию архиепископ иногда писал, что «за Уралом нашел он народ по сердцу своему и все его пастырские предприятия и дела идут согласно его желаниям» [18. Л. 32 об.].

Первые сибирские биографы Келембета – Н.А. Абрамов и А.И. Сулоцкий – имели возможность общаться с П.А. Фелицыным лично. Его рассказы основаны на сведениях, полученных им от племянника Амвросия, Алексея Фомича Келембета.

Алексей Фомич сопровождал Амвросия во время его служения в российских епархиях. Его рукой написаны многие документы в фонде консистории. А.И. Сулоцкий писал о том, что племянник был единственным родным человеком, с которым преосвященный мог поделиться сокровенным. Но Алексей Фомич, по мнению А.И. Сулоцкого, злоупотреблял этим доверием и в тайне от архиепископа скопил большое состояние, которым, однако, воспользоваться не успел. Он скоропостижно скончался, имущество, вывезенное им на Украину, пропало: «...меха, меховые шубы, суконное платье и пр. и пр., оказались истлевшими, испорченными молью. <...> В карманах и бумажниках Алексея Фомича оказалось на несколько сот рублей ассигнаций, но ассигнациям в те годы (около 1824 г.) будто бы была перемена, следовательно погибли и деньги» [Там же. Л. 35].

Случилось это потому, что разгневанный Амвросий запретил разбирать имущество, вывезенное племянником из Тобольска, со словами: «нехай (пусть) погибает неправедно нажитое, нехай все предается тлению, иначе – пожалуй – оно иному из родственников моих и его (племянника) послужит во вред» [Там же. Л. 34 об.].

Так это было или иначе, но Алексей Фомич Келембет долгие годы сопровождал архипастыря и разделил с ним все тяготы жизни вдали от родины. Вот, например, прошение Алексея Фомича Келембета с просьбой о переводе его из Оренбургской консистории в Тобольскую: «Великому Господину Высокопреосвященнейшему Амвросию Архиепископу Тобольскому и Сибирскому Оренбургской Консистории от Коллежскаго Регистратора Алексея Келембета Всенижайшее Прошение.

Служа в Оренбургской Консистории с 1800 г. до ныне без прерывно, возимел я желание продолжить службу в Тобольской Консистории; Для того и прошу ваше Высокопреосвященство, о определении меня в

штат оной Тобольской Консistorии, учинить милостивую Архипастырскую резолюцию Августа дня 1806 года. К сему прошению Коллежский Регистратор Алексей Келембет руку приложил». В верхней части листа надпись, по-видимому, рукой Амвросия (Келембета): «1806 года Августа 8 дня. Проситель определяется впредь до рассмотрения вакансий канцеляристов» [19. Л. 1а].

Сохранилось распоряжение, написанное Амвросием в связи с повышением племянника по гражданской службе: «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского в Святейшем Правительствующем Синоде сего 1807 года апреля в 10-й день состоявшийся о произведении Коллежских Регистраторов Алексея Келембета и Ивана Некрасова в Губернские Секретари Алексею Келембету объявить и привести к присяге, и учинив у него за повышение тем чином и за патент надлежащий вычесть отослать оной куда следует; а о Некрасове сообщить в то место, в ведении которого он ныне состоит с прописанием сего указа для исполнения. Амвросий Архиепископ Тобольский Мая 8 дня 1807 года» [20. Л. 7].

В течение XVIII в. сформировалась общероссийская модель поведения центральной власти в отношении высшего духовенства. Одновременно с декларируемым монархами предпочтением выходцам из Малороссии, существовали эффективные механизмы сдерживания и установления равенства сил между противоборствующими внутрицерковными группировками, которые возникали не из-за расхождений в богословии, а для борьбы за власть. Малороссийские архиереи не составляли в них единой консолидированной оппозиции великорусским коллегам [1. С. 51].

Вместе с тем, по мнению С.С. Лукашевой, «...роль малороссийского духовенства в Русской православной церкви XVIII в. сложно переоценить. Вхождение Киевской митрополии в состав Московского патриархата было несопоставимо с присоединением новых земель к России, например, на востоке страны <...> потому что по древности православия и уровню богословия Киев сразу становился как минимум одним из важнейших центров православия в стране [Там же. С. 52]. И по распоряжению высшей государственной власти выпускники Киевской академии ехали в эти присоединенные земли на востоке страны.

В Сибири в модели поведения центральной власти в отношении церкви и населения была своя специфика. Н.Н. Покровский, исследуя взаимоотношения сибирских мирских организаций и аппарата духовной и светской власти на грани XVII и XVIII столетий, писал о том, что сибирская церковь в это время еще выполняла важные для государства функции, связанные с христианизацией и освоением нового края, внешними сношениями, имела политическое значение [21. С. 379].

«Со временем успехи бюрократизации управления, усиление абсолютистской централизации... борьба за превращение церкви в покорный идеологический механизм царской власти усиливала тенденцию правительства поддерживать» местную администрацию в конфликтах с сибирскими иерархами [Там же. С. 380].

Дело о митрополичьих десятильниках (1697–1698 гг.), «возникшее по инициативе самих сибиряков, жестоко пострадавших от разнузданных злоупотреблений духовных судей», разбиралось, когда сибирским митрополитом был Игнатий (Римский-Корсаков), противник «украинской культуры», «латинствующих», «украинских барочных новшеств» [Там же. С. 378].

Злоключения митрополита Павла (Конюскевича), представителя «украинского церковного направления» случились в правление Екатерины II. В «Антидоте», который был написан «если не своеручно Екатериною, то по прямому ея указанию, с ея слов и под ея диктовку» [22. С. 463], о митрополите Павле можно прочесть, что он «был бы довольно хорошим человеком, если бы не набрался изуверства в Польских католических училищах» [Там же. С. 347]. Но в обоих случаях светские власти получили «хорошие возможности выступить в благородной роли ревнителей общего блага подданных и одновременно приструнить слишком независимых церковников» [21. С. 380].

История высших иерархов Русской православной церкви в Сибири – выпускников Киевской академии явилась отражением политики государственной власти, суть которой была в демонстрации преимуществ великорусской карьеры и, временами, в предоставлении режима особого благопритствования малороссийскому духовенству. В итоге выпускники Киевской академии были интегрированы в Русскую православную церковь. В XVIII – первой половине XIX в. шел длительный процесс формирования общеимперского самосознания, которое вытесняло этническое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашова С.С. Русская православная церковь и киевское православие в XVIII в. // Конфессиональная ситуация на Украине: история и современность : сб. ст. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011. С. 36–57.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 22. Глава 5. Продолжение царствования императрицы Елисаветы Петровны. Образованность в России в первые семь лет царствования Елисаветы. 1741–1748 гг. URL: <http://russiahistory.ru>, свободный (дата обращения: 11.06.2014).
3. Папков А.И. Содержание терминов «черкасы» и «плоди литовские», использовавшихся в российском делопроизводстве XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура / Институт славяноведения. М. : Тезаурус, 2011. Вып. 4. С. 83–113.
4. Сулоцкий А.И. Семинарский театр в старину в Тобольске // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Повременное издание под заведыванием О.М. Бодянского. М. : В Университетской типографии на Страстном бульваре, 1870. Апрель – июнь. Кн. 2. С. 153–157.
5. Терновский Ф.А. Очерки из истории Киевской епархии в XVIII столетии, на основании документов синодального архива // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Издано под ред. В.С. Иконникова. Киев : В Университетской типографии, 1879. Кн. 1: 1873–1877 гг. С. 181–223.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 84 (1803 г.). Д. 37.
7. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 392 с.

8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 432.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 95 (1814 г.). Д. 771.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 81 (1800 г.). Д. 729.
11. Чернышова Н.К. Почитание святителя Инокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.) / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук; Учр. Рос. акад. наук Гос. публ. научн.-техн. б-ка. Новосибирск, 2009. 536 с.
12. Ісавич Я.Д. Релігійне життя і культурно-освітній рух в Україні: друга половина XVI – перша половина XVIII ст. // Католицизм в Росії і Православ'ї в Польщі (XI–XX вв.). Варшава, 1997. С. 108–123.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 103 (1822 г.). Д. 541.
14. Хижняк З.І., Маньківський В.К. Історія Києво-Могилянської академії. Київ : Вид. дім «КМ Академія», 2003. 184 с.
15. ОР РНБ. Q. IV.375.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 18. Оп. 1 (1741–1763 гг.). Д. 92.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 112 (1831 г.). Д. 99Б.
18. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И144. Оп. 1. Д. 49.
19. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 6. Д. 908.
20. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 6. Д. 911.
21. Покровский Н.Н. Сибирское дело о десятильниках // Покровский Н.Н. Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 375–413 (Серия «СО РАН. Избранные труды» / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории).
22. *Антидот* или (противоядие). Polemическое сочинение государыни императрицы Екатерины Второй, перевод с французского подлинника. Разбор дурной, великолепно напечатанной книги под заглавием: «Путешествие в Сибирь по приглашению Короля в 1761 г., содержащее в себе нравы, обычаи русских и теперешнее состояние этой Державы; географическое описание и нивелировку дороги от Парижа до Тобольска; ...Господина аббата Шаппа д'Отероша, из Королевской Академии наук // Оснадацятый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем «Русского архива»). М.: Типография т. Рис, 1869. Кн. 4. С. 225–463.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2015 г.

THE HIGHEST HIERARCHS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: GRADUATES OF THE KIEV ACADEMY IN SIBERIA IN THE 18TH AND IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 175–180. DOI: 10.17223/15617793/401/26

Fefelova Oksana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oks-fefelova@yandex.ru

Keywords: history of Siberia; Russian Orthodox Church; Kyiv-Mohyla Academy; metropolitans; archbishops.

The article represents the variety of opinions on the activity of the highest hierarchs, graduates of the Kiev Academy, in Siberia in the 18th and in the first half of the 19th century. The incorporation of Siberia into the Moscow State was not just the increase of the territory of the country, but also the time of penetration of the Russian Orthodox Church into the lands of the pagans, Muslims and Buddhists. The Orthodox clergymen aimed not only at converting the non-Russians into Christianity, but also at maintaining Christian values and morals among the Slavic population. It was especially important to preserve the unity and the structure of the Orthodox clergy. The ideas of the graduates of the Kyiv-Mohyla Academy regarding the structure of the clergy life and the interaction between the lay and the clerical powers were formed in the society which for a number of centuries developed as the Polish-Lithuanian state and adapted to the realities of the Russian Empire. Coming to the Siberian stand they, as a rule, were accused of excessive violence to other clergymen and to the congregation, of excessive claims to the local representatives of the government, of excessive opposition to the secularization of the church lands. Were they really so much violent and alien in comparison with their Russian predecessors and contemporaries? Or was, on the contrary, their activity quite in correspondence with the state policy? Recent studies make adjustments to traditional assessment and stereotypes. One can write about the approximate parity of the role of the Little Russians and the Russians in church life. Both cohorts did not represent real communities, each of the existing church-based groups was multiethnic, which did not repeal the awareness of ethnic differences. Linguistic and cultural specificity of the Little Russians was determined by the peculiarities of speech, the details of biographies and relative-client ties. The history of the hierarchs of the Russian Orthodox Church in Siberia, graduates of the Kiev Academy, is a reflection of the policy of state power, the essence of which was to demonstrate the advantages of a great career and, at times, provision of special favor to Ruthenian clergy. As a result, graduates of the Kiev Academy were integrated into the Russian Orthodox Church. The 18th and the first half of the 19th century was a long process of formation of the Empire's identity, which superseded the ethnic one. The author of the article analyzes the historical material, gives a new interpretation to the sources and tries to give objective characteristics of the personalities of the top hierarchs, graduates of the Kiev Academy in Siberia, and of their activity.

REFERENCES

1. Lukashova, S.S. (2011) Russkaya pravoslavnaya tserkov' i kievskoe pravoslavie v XVIII v. [The Russian Orthodox Church and the Kiev Orthodoxy in the 18th century]. In: Snezhkova, I.A. (ed.) *Konfessional'naya situatsiya na Ukraine: istoriya i sovremennost'* [Confessional situation in Ukraine: Past and Present]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.
2. Solovyov, S.M. (n.d.) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since the Ancient Times]. V. 22. Ch. 5. [Online]. Available from: <http://russiahistory.ru>. (Accessed: 11 June 2014).
3. Papkov, A.I. (2011) Soderzhanie terminov “cherkasy” i “lyudi litovskie”, ispol'zovavshikhsya v rossiyskom deloproizvodstve XVII veka [The content of the terms “Cherkasy” and “Lithuanian people”, used in the Russian paperwork in the 17th century]. In: Florya, B.N.(ed.) *Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura* [Belarus and Ukraine: History and Culture]. Is. 4. Moscow: Tezaurus.
4. Sulotskiy, A.I. (1870) Seminarskiy teatr v starinu v Tobol'ske [The seminary theatre in Tobolsk in the past]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at the Moscow University]. April–June. Book 2. Moscow: V Universitetskoy tipografii na Strastnom bul'vare. pp. 153–157.
5. Ternovskiy, F.A. (1879) Ocherki iz istorii Kievskoy eparkhii v XVIII stoletii, na osnovanii dokumentov sinodal'nogo arkhiva [Essays on the history of the Diocese of Kyiv in the 18th century, on the basis of archive documents of the Synod]. In: Ikonnikov, V.S. (ed.) *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]. Book 1: 1873–1877. Kiev: V Universitetskoy tipografii.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 84 (1803). File 37. (In Russian).

7. Pokrovskiy, N.N. (1974) *Antifeodal'nyy protest uralo-sibirskikh krest'yan-starobryadtsev v XVIII v.* [Anti-feudal protest of the Ural-Siberian peasant Old Believers in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
8. Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB). Fund 102. List 1. File 432. (In Russian).
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 95 (1814). File 771. (In Russian).
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 81 (1800). File 729. (In Russian).
11. Chernyshova, N.K. (2009) *Pochitanie svyatitelya Innokentiya Irkutskogo v dukhovnoy kul'ture Rossii: knizhnaya i rukopisnaya traditsiya (1805–1919 gg.)* [The veneration of St. Innocent of Irkutsk in the spiritual culture of Russia: book and manuscript tradition (1805–1919)]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
12. Isaevich, Ya.D. (1997) *Religiynye zhittya i kul'turne-osvitniy rukh v Ukraïni: druga polovina XVI – persha polovina XVIII st.* [Religious life and cultural and educational movement in Ukraine: the second half of the 16th – first half of the 18th centuries]. In: *Katolitsizm v Rossii i Pravoslavie v Pol'shche (XI–XX vv.)* [Catholicism in Russia and Orthodoxy in Poland (19th–20th centuries)]. Warsaw. (In Ukrainian).
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 103 (1822). File 541. (In Russian).
14. Khizhnyak, Z.I. & Man'kivs'kiy, V.K. (2003) *Istoriya Kievo-Mogilyans'koï akademii* [History of the Kyiv-Mohyla Academy]. Kyiv: KM Akademiya. (In Ukrainian).
15. Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB). Q. IV.375. (In Russian).
16. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 18. List 1 (1741–1763). File 92. (In Russian).
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 112 (1831 g.). File 99B. (In Russian).
18. State Archive in Tobolsk. Fund I144. List 1. File 49. (In Russian).
19. State Archive in Tobolsk. Fund I156. List 6. File 908. (In Russian).
20. State Archive in Tobolsk. Fund I156. List 6. File 911. (In Russian).
21. Pokrovskiy, N.N. (2005) *Sibirskoe delo o desyatil'nikakh* [A Siberian case of Desyatilniki]. In: Pokrovskiy, N.N. *Rossiyskaya vlast' i obshchestvo: XVII–XVIII vv.* [The Russian government and society: the 17th–18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
22. Catherine II. (1869) *Antidot ili (protivoyadie). Polemicheskoe sochinenie gosudaryni imperatritsy Ekateriny Vtoroy, perevod s frantsuzskogo podlinnika. Razbor durnoy, velikolepno napechatannoy knigi pod zaglavim: “Puteshestvie v Sibir' po priglaseniyu Korolya v 1761 g., sodержashchee v sebe navy, obychai russkikh i tepereshnee sostoyanie etoy Derzhavy; geograficheskoe opisanie i nivelirovku dorogi ot Parizha do Tobol'ska”;* ...Gospodina abbata Shappa d' Oterosha, iz Korolevskoy Akademii nauk [Antidote. A polemic essay of Empress Catherine II, a translation from the French original. Analysis of a bad, beautifully printed book entitled Journey to Siberia at the Invitation of the King in 1761, Containing the Manners, Customs of Russians and the Present State of the Country; a Geographical Description and Leveling of the Road from Paris to Tobolsk by Abbe Chappe d'Auteroche from the Royal Academy of Sciences]. In: Bartenev, P. *Osmnadtsaty vek. Istoricheskiy sbornik* [The 18th century. A historical collection]. Book 4. Moscow: Tipografiya t. Ris.

Received: 15 April 2015